

Гермиона ступала осторожно, позволив Рону провести ее за руку сквозь толпу, окружавшую свежевырытые могилы, которые служили напоминанием всем выжившим о том, насколько тонка грань между жизнью и смертью. Это было прекрасное утро поздней весны, и когда ее глаза оглядели лесные окрестности, она услышала непрерывную трель птичьего пения, доносившуюся из жаворонков и воробьев, сидевших на верхушках деревьев. Песня звучала радостно; почти кощунственный хор в этот самый торжественный из дней. Она коротко кивнула тем, кто приветствовал ее улыбкой или рукой. Уизли и Минерве; Кингсли, Хагриду и нескольким другим, пришедшим отдать последний долг Римусу Люпину и Нимфадоре Тонкс. Она нерешительно бросила взгляд на одинокую фигуру, стоящую с ребенком на руках. Андромеда Тонкс и Тедди Люпин; тот, кто потерял и мужа, и дочь; другой теперь сирота - слишком молод, чтобы оценить его затруднительное положение. Она почувствовала, как первые слезы выступили на ее глазах, когда она подумала о бедственном положении Тедди, и ее мысли обратились к другому сироте, тому, кто был ее самым дорогим другом и которого не было при исполнении служебных обязанностей в это прекрасное утро.

Наконец она добралась до могилы и вопросительно подняла бровь в сторону Минервы. Директриса, казалось, поняла ее невысказанный вопрос, потому что просто пожала плечами и указала головой на чиновника Министерства, ожидавшего начала разбирательства. Мужчина нервничал; казалось, что он ждал ее и Рона, прежде чем начать.

И Гарри тоже, конечно.

Она не могла поверить, что его здесь нет; что он предпочел бы не присутствовать на похоронах дорогого друга - друзей. Она чувствовала растущее раздражение, когда чиновник шаркал ногами, неуверенный в том, стоит ли начинать без «почетного гостя». Чтобы успокоиться, она позволила своим глазам скользнуть по толпе и окинуть взглядом многочисленных присутствующих. Краем глаза Гермиона заметила, что Джинни внимательно наблюдает за ней, ее лицо превратилось в непостижимую маску, и она почувствовала прилив сочувствия к своей рыжеволосой подруге. Последние несколько дней ни для кого не были легкими, но Джинни чувствовала себя покинутой, когда Гарри так внезапно ушел. Она знала, что между ними двумя остались нерешенные проблемы, и надеялась, что у Гарри, наконец, хватило здравого смысла что-то с этим сделать — наконец-то начать жить. Она слегка кивнула подруге и была рада увидеть, как Джинни слегка улыбнулась в ответ.

Она отвлеклась от Уизли и чуть не заплакала, увидев последних трех человек, которых ожидала увидеть здесь сегодня.

Малфои.

Они стояли как-то одни в огромной толпе; избегали, как будто заражены в некотором роде. Они стояли прямо и ничего не выражали, и она вспомнила, что Тонкс была племянницей Нарциссы.

Должно быть, поэтому они здесь.

Никто не знал, что с ними делать. Их прошлые грехи были хорошо известны, но она слышала, что Кингсли не знал, как с ними справиться, потому что он каким-то образом слышал, что Нарцисса помогала Гарри. Она знала, что многие ждали, когда Гарри расскажет свою историю — слухи ходили полным ходом, а предположения о Пророке становились нелепыми — никакая версия событий не казалась Рите Скитер слишком диковинной. По ее мнению, это была еще одна причина, по которой Гарри не следовало уходить.

Она повернулась, когда чиновник министерства наконец откашлялся, готовясь начать, и почувствовала внезапный прилив гнева на Гарри за то, что он не присутствовал на похоронах таких дорогих друзей. Однако это чувство вскоре прекратилось; остановлено внезапным волнением среди зрителей. Она повернулась к источнику ропота и с удивлением наблюдала, как толпа начала расходиться, образуя проход, почти как Моисей, разделивший Красное море.

Гарри.

Это не могло быть ни по какой другой причине, и ее подозрения подтвердились, когда толпа расступилась достаточно, чтобы показать очень застенчивого Гарри Поттера, который нерешительно пробирался к могиле. Несколько рук из толпы толкали его вперед, его нежелание занимать центральное место было очевидным.

Как минимум; это очевидно для меня .

Толпа в этот момент состояла из авроров — друзей и коллег Тонкс — и, расступаясь, они образовывали что-то вроде почетного караула, пока Гарри смущенно пробирался сквозь толпу. Он приблизился, опустив голову, изо всех сил стараясь не обращать внимания на взгляды, и она раздраженно покачала головой, поняв, что он пытался остаться незамеченным. Он должен был знать, что в данных обстоятельствах это невозможно. Реакция зрителей была предсказуемой, но все же странно удивительной. Ропот прекратился, и теперь толпа смотрела на Гарри в благоговейном молчании — даже с благоговением. Когда он приблизился, он, наконец, поднял взгляд, и их взгляды встретились, и она никогда не забудет выражение его лица. Он выглядел собранным, но его глаза почти умоляли об освобождении.

К своему удивлению, она обнаружила, что нервничает, когда он приближается. Их последние слова были сказаны в гневе, и она до сих пор не была уверена, вернулись ли они к нормальным отношениям. Однако ее опасения рассеялись, когда Гарри, наконец, подошел к ней и, не говоря ни слова, взял ее руку и нежно сжал ее. Он коротко кивнул Рону, затем повернулся и посмотрел на чиновника министерства, словно соглашаясь начать. Он не отпустил ее руки.

Она никогда и никому не признавалась, что не может вспомнить ни слова, сказанного чиновником в тот день. Она пыталась слушать, но ее мысли были сосредоточены исключительно на подруге, стоящей рядом с ней и держащей ее за руку. Не раз она исподтишка поглядывала на него и замечала, что он не плачет. Вместо этого она заметила, что он часто бросал украдкой взгляды в сторону Тедди Люпина.

Его крестник.

Именно эта мысль, врезавшаяся в ее разум, в конце концов оказалась катализатором, позволившим выплеснуться ее собственному горю. Она подумала о Тедди, теперь сироте и такой же жертве Волдеморта, как и все остальные, и это осознание заставило ее думать обо всех жертвах; все разбитые жизни и внезапные насильственные смерти. Неизбежно ее мысли обратились к родителям, живущим в Австралии и не подозревающим о ее существовании. Она поняла, как сильно она нуждалась в них, и поэтому ее слезы, наконец, текли безудержно, когда она выплескивала все горе и страх, которые она терпела. Ее зрение затуманилось, когда чиновник наконец закончил, и бранные останки Ремуса Люпина и Нимфадоры Тонкс были погребены. Она знала только, что Гарри заключил ее в крепкие успокаивающие объятия, а Рон отпустил ее, чтобы позволить ему это сделать. Однажды, она позволила себе выпустить слезы и погрузилась в объятия своей лучшей подруги. Ни одна душа не шевельнулась; не было слышно ни звука, пока зрители созерцали место последнего упокоения двух заветных друзей.

Тишина длилась, казалось, целую вечность, прежде чем ее наконец нарушил Гарри, который осторожно отпустил ее, прежде чем медленно приблизиться к могилам и подобрать горсть земли. Он изобразил одинокую фигуру, глядя на гроб Ремуса Люпина и, не говоря ни слова, осторожно посыпал грязью останки своего друга, прежде чем повторить этот жест над могилой Тонкс. Он постоял в тишине еще несколько мгновений, прежде чем покачать головой, словно очнувшись ото сна, и направился прямо к Андромеде Тонкс. Толпа внезапно глубоко вздохнула, как будто затаив дыхание, и Гермиона мысленно вернулась в настоящий момент. Она схватила Рона за руку и потащила его за собой, направляясь к Гарри и Андромеде. На мгновение до нее дошло, что она не имеет права вмешиваться в частную беседу, но она также осознавала потребность быть рядом с Гарри — почти инстинкт, чтобы держать его в безопасности. Она чувствовала на себе взгляды толпы, когда достигла Андромеды, как и Гарри. Он удивленно обернулся, но не возражал против ее присутствия. Вместо этого он снова повернулся к Андромеде и серьезно посмотрел на нее. Она также обратила внимание на бабушку Тедди и была поражена достоинством, которое она проявляла.

Но потом; она черная, не так ли? Она вышла замуж за маггла и отвергла Тьму, но она все еще черная.

Андромеда стояла прямо, баюкая внука на руках. Черты ее лица были искажены горем, но из глаз не текли слезы, и она смотрела на Гарри вопросительным взглядом. Наконец, Гарри неловко откашлялся.

— Могу я выразить вам свои соболезнования, миссис Тонкс? — сказал он тихо.

— Спасибо, мистер Поттер. Гарри, — ответила Андромеда, подчеркнув свое имя. `Пожалуйста; Зови меня Андромеда. «Миссис Тонкс» заставляет меня чувствовать себя старой, а мне нужно быть молодой, — добавила она, указывая головой на ребенка на руках. Наступило неловкое молчание, пока Гарри решал, что делать дальше, и Андромеда, должно быть, почувствовала его дискомфорт, когда взяла на себя инициативу и мягко улыбнулась.

«Моя дочь и Ремус рассказали мне о своем решении сделать тебя крестным отцом Тедди, Гарри. Я так понимаю, именно поэтому вы хотите поговорить со мной?»

Гарри кивнул. — Да, — ответил он хриплым голосом. — Я... я просто хотел, чтобы вы знали, что я здесь, если вам или Тедди что-нибудь понадобится — вообще что угодно. Я... я хотел бы быть частью жизни Тедди. Я хочу, чтобы вы знали: хотя мне всего семнадцать, я серьезно отношусь к своим клятвам. Когда Ремус спросил меня, я знал, что быть крестным отцом Тедди однажды может оказаться больше, чем просто церемониальная роль». Он помедлил и посмотрел себе под ноги. «Я знаю, что значит быть сиротой. Ему повезло с тобой, Андромеда. Но я прошу вашего разрешения позволить мне также стать частью его жизни». Прежде чем продолжить, он посмотрел Андромеде в глаза. «Я не думаю, что в жизни может быть слишком много любви. Этому меня научил Дамблдор. Ремус тоже, по-своему. Вы позволите мне помочь? Любить Тедди?

Гермиона почувствовала, как снова потекли слезы, услышав обращение Гарри, и она заметила, что впервые за этот день слезы тоже покатались по щекам Андромеды Тонкс. Но Андромеда улыбалась, когда плакала.

«О, Гарри. Как будто даже нужно спросить. Ты был выбран не просто так, Гарри. И Нимфадора, и Ремус хотели, чтобы ты стал крестным отцом Тедди, потому что они оба любили и уважали тебя. Как вы думаете, я стал бы отрицать их выбор? После всего, что ты сделал? Для меня будет честью, если вы согласитесь стать частью жизни Тедди. Я могу предложить ему многое, но ему в жизни нужен мужчина, Гарри. Образцом для подражания; фигура отца. Я не могу представить никого более достойного. Спасибо.»

Гарри кивнул в ответ на ее слова, и Гермиона увидела в его глазах облегчение и печаль. Он неловко постоял какое-то время, глядя на Андромеду, прежде чем переключить внимание на Тедди.

— Могу я... могу я... поддержать его? — спросил он, и Гермионе он показался маленьким ребенком, которого она впервые встретила семь лет назад. Мальчик, который считал, что ему нужно разрешение, чтобы получить что-либо. Она почувствовала, как слезы усилились, когда улыбка Андромеды стала шире.

«Конечно, Гарри», — ответила она, прежде чем мягко передать Тедди ему. Ей понадобилось несколько минут, чтобы показать ему, как правильно держать младенца, и сначала было очевидно, что Гарри держит ребенка так, словно тот сделан из самого хрупкого стекла.

«Он не сломается, Гарри. Он довольно крепкий малый, — сказала Андромеда. «Просто расслабься, и Тедди тоже расслабится».

Гарри одарил Андромеду улыбкой, прежде чем обратить внимание на ребенка, лежащего у него на руках. Гермиона видела, что Тедди смотрит на странное лицо широко раскрытыми глазами. Гарри просто смотрел в ответ и не двигался, пока его палец не оказался в крошечной ручке младенца. Она почувствовала расцвет в своем сердце при виде этого зрелища и утешилась внезапным знанием того, что жизнь будет продолжаться. Тедди представлял собой будущее, обещание лучших времен и поколения, которое вырастет без тени Волдеморта. Однажды этот ребенок узнает, что его крестный отец сделал больше, чем кто-либо другой, чтобы убрать эту тень; узнает, что его родители погибли, сражаясь с тем же злом, но сейчас

он, казалось, довольствовался тем, что смотрел широко открытыми глазами на странное лицо и удовлетворенно дергал Гарри за указательный палец. Она смотрела, как Гарри мягко опустил голову и нежно поцеловал Тедди в лоб. По какой-то причине она представила, как он делает то же самое со своим ребенком, и на мгновение она обнаружила, что стоит рядом с Гарри, обнимая его и «их» сына. Она покраснела, недоумевая, откуда взялся такой образ. Она стряхнула с себя эту мысль, когда Гарри снова заговорил.

— Спасибо, — прошептал он, возвращая ребенка бабушке. «Просто дай мне знать, если тебе что-нибудь понадобится».

Андромеда снова улыбнулась и хотела ответить, но ее внимание отвлекло появление Кингсли и Минервы.

— Министр, — коротко сказала Андромеда, недовольная прерыванием.

— Прости меня, Андромеда, — начал Кингсли своим звучным голосом. «Я не хочу вторгаться. Могу я говорить сначала как друг, а не как министр? Могу я выразить вам свои соболезнования? Тонк... Нимфадора была мне дорогим другом и коллегой. Тед тоже был хорошим человеком. Я очень сожалею о вашей потере.»

Выражение лица Андромеды смягчилось. `Спасибо, Кингсли. Я ценю это. Я знаю, что Дора очень высокого мнения о вас. Выражение ее лица на мгновение стало насмешливым, глаза проникательными. `Есть что-то еще? Вам нужно что-то обсудить как министру, а не как другу?

Кингсли на мгновение смутился. `Может быть, сейчас не время,' начал он. «Просто у меня есть кое-какая информация о поместье Ремуса. Я хотел договориться о более удобном времени, чтобы обсудить это с вами. Он повернулся к Гарри. «Ты тоже», добавил он.

«Я?» — озадаченно спросил Гарри.

Кингсли кивнул. «Некоторое время назад Ремус обратился ко мне с инструкциями о том, что делать в случае его смерти. Он назначил меня душеприказчиком своего имущества — его и Тонк... я имею в виду Дору, — поспешно добавил он, заметив, как Андромеда глядит на него как бусинка.

Гарри воспользовался моментом, чтобы переварить эту новость. «Я не хочу быть грубым, — сказал он наконец, — но я не думал, что Ремусу есть что кому оставить».

Кингсли серьезно кивнул. — У него было немного, Гарри. Он боролся всю свою жизнь из-за своего... состояния. Но у него было несколько вещей, которые он оставил Тедди. Я не буду здесь вдаваться в подробности, но он назначил вас и Андромеду доверенными лицами до тех пор, пока Тедди не достигнет совершеннолетия — если, конечно, вы согласны.

«Конечно, я готов», сказал Гарри.

«Хорошо». Он колебался несколько мгновений. «Я также хотел бы иметь возможность обсудить то, что произошло...» он не смог договорить.

Гарри вздохнул. «Что случилось в ту ночь, когда я убил Волдеморта?» — спросил он с покорностью. Кингсли выглядел крайне смущенным.

«Прости, Гарри. Это плохое время. Но говорить надо - слухов и сплетен много, и это не помогает нам начать процесс восстановления. Мне нужно знать, что произошло, чтобы продолжить. Малфои, например... — он в отчаянии покачал головой. «Ненавижу просить тебя об этом, Гарри. Надеюсь, ты знаешь, что я твой друг. Но я тоже министр, и у меня новые обязанности».

Гарри почувствовал, как его обида улетучилась, когда он посмотрел на Кингсли. Он видел печаль в глазах старика и подозревал, что эта печаль была вызвана тем, что его друг наконец осознал, что его жизнь уже никогда не будет прежней. Он больше не был Кингсли; он был министром, и Гарри считал, что ему бы не понадобился ни этот пост, ни то внимание, которое оно привлекало. Нет; Кингсли согласился бы на это назначение только потому, что знал, что больше никого — по крайней мере, достойного — нет.

Хорошим людям досталось самое тяжелое бремя.

— Все в порядке, Кингсли, — наконец ответил он. «Я понимаю. Возможно, лучше, чем вы думаете. Хотя я не знаю, когда это будет удобно. Здесь мы вряд ли сможем это сделать, — добавил он, улыбаясь при этом, чтобы смягчить остроту своих слов.

Кингсли тоже улыбнулся и огляделся, пока толпа медленно удалялась от могилы, подавляющее большинство бросало украдкой взгляды на небольшую группу, стоявшую вокруг Андромеды и Тедди. Он немного поколебался и бросил взгляд на Рона, прежде чем продолжить.

— Я знаю, что Молли и Артур пригласили людей в «Нору» после завтрашних похорон Фреда, — тихо начал он. «Может быть, там можно будет обсудить этот вопрос? Я знаю, что я не единственный, кто хочет услышать эту историю, но, конечно, вам решать, кого вы решите сообщить». Он повернулся к Андромеде. — Мы можем обсудить просьбу Ремуса в более удобное время, если можно?

— Это приемлемо, Кингсли. Просто сообщите мне, когда будете свободны, — ответила Андромеда. Все взгляды снова обратились к Гарри, он явно был в глубокой задумчивости.

«Завтра в «Норе» меня устраивает. То есть... — он повернулся к Рону с вопросительным выражением лица.

Рон серьезно посмотрел на него. — Я знаю, что мне нужны все подробности, Гарри. И мама с папой обязательно захотят все услышать». Он посмотрел себе под ноги. `Возможно, завтра будет уместно. Тогда они узнают, что Фред умер не напрасно. Он снова посмотрел вверх. «Я думаю, что это был бы достойный памятник для него», — добавил он, его голос начал ломаться.

Двое друзей обменялись взглядами, которые прервались только тогда, когда Гермиона обняла Рона и крепко обняла его. Все остальные присутствующие воспользовались моментом, чтобы восстановить самообладание.

Кингсли серьезно посмотрел на Рона. `Спасибо, Рон. Это благородное чувство. Я поговорю с твоими родителями. Он повернулся к остальным. «Я не буду больше отнимать у вас время в настоящее время. Приношу свои извинения за то, что поднял этот вопрос здесь. Всем доброго дня, — добавил он, коротко кивнув, прежде чем уйти. Все взгляды ненадолго последовали за ним, прежде чем повернуться к Минерве, которая терпеливо ждала своей очереди.

`Андромеда? Позвольте мне выразить вам свои соболезнования. Их обоих будет очень не хватать. Тед тоже, — грустно добавила директриса.

— Спасибо, Минерва, — ответила Андромеда. «Спасибо, что пришли».

Минерва отмахнулась от этого взмахом руки, прежде чем продолжить. «Вы не возражаете, если я одолжу этих троих на несколько минут?» — спросила она, указывая на Гарри, Гермиону и Рона.

`Вовсе нет. У меня есть несколько человек, с которыми нужно поговорить. Пожалуйста; продолжать.'

Они простились с Андромедой и последовали за Минервой в тихое место под ближайшим платоном. Минерва огляделась, прежде чем заговорить.

— Я договорилась на воскресенье, — начала она без предисловий. «Я создала безопасную комнату в подземельях замка, и этого должно хватить», — добавила она, глядя на Гермиону с сочувствием.

Гермионе внезапно стало плохо от этой новости; как будто подготовка сделала все более реальным. Минерва, казалось, почувствовала ее страдание.

«Все еще есть шанс, что это не окажется необходимым, но мы должны принять меры предосторожности».

Гермиона кивнула. — Я знаю, и спасибо. Она посмотрела на свои ноги.

Гарри заметил ее беспокойство и сам почувствовал боль. «Это абсолютно необходимо?» он спросил. «Можем ли мы не дать ей немного волчьего зелья?»

«Не для ее первой изменения, Гарри,» ответила Минерва. «Мы должны установить всю степень проклятия, и поэтому мы должны позволить ему идти своим чередом. Надеюсь, в следующие ночи зелье не понадобится. Ее лицо на мгновение приняло любопытное выражение. `Кроме того; Северус был единственным по-настоящему опытным мастером зелий, способным приготовить зелье высочайшего уровня. Вопрос в ее голосе, когда она назвала имя своего бывшего коллеги, был очевиден. «Возможно, у нас есть немного в его старой кладовой, но зелье плохо хранится. Боюсь, это будет не так эффективно, как хотелось бы. Мы должны сварить еще, но это будет не так хорошо. Она вздохнула. «Извините, что поднимаю этот вопрос здесь, но я подумал, что вам лучше знать, и я не был уверен, что у меня будет возможность поговорить наедине позже. Надеюсь, вы понимаете.

Гермиона кивнула. «Мы понимаем. И благодарю вас.» Она взглянула на Гарри и прищурилась, пытаясь передать сообщение. К счастью, он, кажется, понял.

«Профессор?» Гарри начал. «Есть кое-что, что тебе нужно знать о... Северусе. Обо всем, — добавил он. «Я обсужу все это с Кингсли завтра в «Норе». Я думаю, ты тоже должен быть там. Есть вещи, которые вам нужно знать.

Минерва долго смотрела на него, ее удивление по поводу того, что Гарри использовал имя Снейпа, было очевидным. — Я благодарна, Гарри, — наконец ответила она. «Должен признаться, мне очень любопытно, что вы имели в виду, когда сказали Волдеморту, что Северус все это время был человеком Дамблдора. Если это правда, то он очень хорошо скрыл этот факт. Я хотел бы знать, не ошибся ли я в его оценке.

«Вы действительно недооценили его. Мы все сделали. Он все это время был на нашей стороне. Вы заслуживаете знать правду, профессор. Северус заслуживает признания правды.

Минерва снова посмотрела на него, прежде чем заговорить. «В таком случае, я увижу вас всех завтра». Она улыбнулась. «Добрый день всем вам», — добавила она, прежде чем уйти.

Трое друзей повернулись друг к другу, все погруженные в свои мысли. Гермиона почувствовала новую неловкость между ними и внезапно поняла, что кое-что еще нужно исправить. Она заметила, что Гарри смотрит себе под ноги, а Рон смотрит на ветви деревьев над головой, как будто у него внезапно появился интерес к орнитологии. Она глубоко вздохнула.

«Гарри?» она начала. «Прошу прощения:-»

— Не надо, — перебил Гарри, не поднимая глаз. «Не говори мне, что ты сожалеешь. Вам не нужно; тебе не о чем сожалеть.

— Но я говорил тебе ужасные вещи.

Наконец он встретился с ней взглядом. — Ты сказала правду, Гермиона. Ты всегда говоришь правду. Я понимаю, почему ты злился на меня. Если бы роли поменялись, я бы тоже разозлился на вас. Я не ушел из-за нашего спора. Мне просто нужно было немного побыть одному — мне нужно было кое-что уладить с собой. Что бы это ни стоило, я чувствую себя намного лучше. Он сделал паузу, обдумывая свои следующие слова. — Но я надеюсь, вы понимаете, почему я отправился на встречу с ним один. Это было не потому, что я не нуждался в тебе. Вы знаете это, не так ли? Его вопрос был почти мольбой.

— Я знаю это, Гарри, — ответила она. Наступило долгое молчание, пока каждый обдумывал то, чем обменялись; тишину наконец нарушил Рон.

— Вы двое забываете, что я не такой сообразительный, как вы, — сказал он с улыбкой. «Я понятия не имею, почему вы пошли на встречу с ним в одиночку. Если бы это был я на твоём месте, я бы первым же поездом отправился в Боливию и к черту Волдеморта и все такое. Выражение его лица стало серьезным. «У меня нет проблем с тем, что ты сделал, Гарри, но мне любопытно. Почему ты не пришел и не увидел нас первым? Даже чтобы попрощаться?

Гермиона думала, что знает ответ на этот вопрос, и ждала, пока Гарри подтвердит ее подозрения. Он не торопился, прежде чем ответить.

— Две причины, — наконец сказала ее подруга.

«Две?» — спросил Рон.

— Да. Во-первых, я не хотел рисковать тем, что вы двое потребуете пойти со мной. Мне пришлось бы оглушить тебя или что-то в этом роде, чтобы помешать тебе присоединиться ко мне. Мне нужно было умереть; вы двое этого не сделали.

— И?

«И я не думаю, что смог бы совершить эту прогулку, если бы увидел кого-то из вас. Вы бы попытались отговорить меня от этого, и я бы выслушал, потому что был в ужасе. Я бы не смог попрощаться; вы оба слишком много для меня значите. Он посмотрел прямо на Рона и улыбнулся. «Я бы плыл с тобой на том пароходе в Боливию. Я бы поехал туда, если бы мне представилась возможность.

Гермиона с гордостью наблюдала, как двое мужчин, которых она любила больше жизни, смотрели друг на друга. То, что она могла видеть между ними, было чем-то, что они никогда не сказали бы вслух, но тем не менее она знала, что это было там. Они любили друг друга как братья, и она считала, что ей повезло, что они оба были в ее жизни. Она почувствовала умиротворение от признания Гарри. Ее подозрения подтвердились, и сейчас она с

благоговением взирала на жертву, на которую он был готов пойти ради них всех. Она почувствовала, как слезы снова потекли по ее щекам, и внезапно вздрогнула, когда они оба повернулись к ней лицом.

«Что?» — хором спросили они. `Что случилось?' добавил Рон.

Она не ответила. Вместо этого она покачала головой им обоим и улыбнулась, прежде чем обнять их вместе и умчаться, чтобы на несколько мгновений побыть одной. Она не видела ошеломленных выражений на лицах своих друзей, когда они повернулись лицом друг к другу.

— Псих, — сказал Рон. «Совершенно психический, этот».

Улыбка Гарри стала шире, и он издал глубокий, рокочущий смех.

`Да; абсолютно чокнутые. Но она твоя девушка, Рон. Так что вам нужно спросить себя, кто на самом деле является ментальным».

На этот раз Рон не ответил на шутку, сделанную в его адрес. Несколько мгновений он пытался найти содержательный ответ, прежде чем смущенно ухмыльнуться.

`Вы меня там,' наконец ответил он.

<http://tl.rulate.ru/book/81726/2539866>